

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.37>

Прудченко Елена Александровна, Филяровская Наталья Ивановна,
Шакирова Татьяна Владимировна

**Особенности антропоцентризма Владимира Набокова в ситуации культурного межбережья
(на примере статьи о Гоголе)**

Статья посвящена трансформации антропоцентрических идей в русской философии при погружении в иную культурную и философскую среду. Актуальность статьи базируется на анализе самоидентификации творческой личности, изначально принадлежащей философскому ядру определенной культуры и в одночасье оказавшейся в условиях инородной среды-культуры-философии, проповедующей иные ценности и постулаты. Новизна исследования обусловлена привлечением такой крупной и, по мнению авторов, еще недостаточно исследованной философской темы, как особенности русского антропоцентризма начала XX века, а также мотива самоопределения личности в системе мер нормы и гениальности на примере критического наследия В. Набокова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/37.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 179-183. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Арндт Х. Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013. 519 с.
2. Арндт Х. Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2012. 303 с.
3. Арндт Х. Опыты понимания, 1930-1954. М.: Институт Гайдара, 2018. 712 с.
4. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Институт Гайдара, 2014. 352 с.
5. Данцер Г. Время, свобода и бытие собой // Начало. 2006. № 15. С. 116-146.
6. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 266 с.
7. Монтень М. Опыты: в 3-х т. М.: Голос, 1992. Т. 1. 384 с.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 4. 860 с.
9. Сафрански Р. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с.
10. Федье Ф. Голос друга. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 200 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
12. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41-62.

From Voice of Conscience to Friend's Voice in Philosophies by M. Heidegger and H. Arendt

Pankrat'ev Oleg Vladimirovich
Silaeva Kira Valer'evna

*Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
oleg-pankratev@yandex.ru; s_kira_v@mail.ru*

The problem of conscience is not reduced to ethical problematics and constitutes a major research area of modern ontology, which considers the problems of subject's existence, consciousness, selfhood and its structure. The authors compare M. Heidegger's existential-phenomenological analysis of conscience and interpretation of conscience in H. Arendt's philosophy. The comparison of these approaches shows that involvement initially postulated in the conception of conscience does not mean commitment to ethical values or to a society represented as a multitude of abstract others but rather empathy for the Other personified in the image of a close friend. The thesis that friendly dialogue is an essential aspect of conscience is postulated.

Key words and phrases: the Other; voice of conscience; friend's voice; inner dialogue; selfhood.

УДК 130.31

Дата поступления рукописи: 11.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.37>

Статья посвящена трансформации антропоцентрических идей в русской философии при погружении в иную культурную и философскую среду. Актуальность статьи базируется на анализе самоидентификации творческой личности, изначально принадлежащей философскому ядру определенной культуры и в одночасье оказавшейся в условиях инородной среды-культуры-философии, проповедующей иные ценности и постулаты. Новизна исследования обусловлена привлечением такой крупной и, по мнению авторов, еще недостаточно исследованной философской темы, как особенности русского антропоцентризма начала XX века, а также мотива самоопределения личности в системе мер нормы и гениальности на примере критического наследия В. Набокова.

Ключевые слова и фразы: русский антропоцентризм; В. Набоков; критическое наследие; Н. Гоголь; религиозная составляющая; ключевой мотив; антропоцентрические установки.

Прудченко Елена Александровна
Филяровская Наталья Ивановна
Шакирова Татьяна Владимировна, к. филол. н., доцент
*Тюменский индустриальный университет
prudchenkoega@tyuiu.ru*

Особенности антропоцентризма Владимира Набокова в ситуации культурного межбережья (на примере статьи о Гоголе)

Примером творческой рефлексии человека, оказавшегося в пограничной ситуации между культурами, выступает творчество Владимира Набокова, в частности его лекции по русской литературе, частично русскоязычные, частично написанные на английском языке. Степень отнесенности мировоззренческих установок этого художника к определенной ментальности стала темой нескончаемых дискуссий в трудах культурологов

(Т. Н. Белова, Е. В. Плотникова), филологов (Г. Струве, В. Ходасевич) и даже философов (А. Пятигорский, В. Е. Александрова). **Задача** исследования заключается в анализе лекционного материала, посвященного Н. Гоголю ("N. Gogol", 1944), с целью выявления особенностей отражения идей антропоцентризма и определения их в контексте общей картины русского антропоцентризма XIX-XX веков. Соответственно, контекст осмысления опыта Владимира Набокова в перспективе антропоцентрических идей русской философии позволяет выйти к пониманию качества и масштабов набоковской презентации русского мира на Западе и в Америке, а также обозначить принципиальные расхождения между философскими установками человека, покинувшего пространство родной культуры, и собственно самой традицией, в интеллектуальном и духовном смыслах взрастившей его. Кроме того, специфичная история Набокова содержит черты, типичные для постреволюционной эпохи. Примечательно, что ментальный статус этих философов не вызывает сомнений, а набоковский дискурс развивается в соответствии с им же заданной моделью межбережья (с опорой на роман «Другие берега»).

Особая **актуальность** усматривается в том, что в современном поликультурном мире важное значение обретает проблема идентификации человека с точки зрения его принадлежности к философскому ядру культуры определенного народа и страны и возможность или невозможность сохранения такого ядра в качестве основы творчества под натиском идей и традиций в условиях глобализации мира. В этом смысле хорошей иллюстрацией послужит «эсклюзивно голландская философско-культурологическая модель культуры», концепция Й. Хейзинги, которой обосновывают свои художественные замыслы многие деятели современного искусства Нидерландов, рассматривая её в качестве философского ядра культуры [3, с. 20].

Научная новизна исследования заключается в намерении авторов дополнить целостную картину русского антропоцентризма описанием картины антропоцентризма В. Набокова посредством анализа лекции «Н. Гоголь». Следует отметить, что целостное описание антропоцентризма, представленного в философских сочинениях начала XX столетия, в науке еще не завершено. Наименее изученными являются персональные антропологические парадигмы, присущие мыслителям, которые находятся за рамками круга признанных философов, поскольку воплотили свои идеи не в трудах сугубо философской природы, а в сочинениях пограничного типа: статьи, размышления, автобиографические сочинения и т.д. сделали их писателями и критиками, но не философами. К исследованию творческого наследия Владимира Набокова литературоведы обращаются на протяжении нескольких десятилетий (Г. Струве, В. Ходасевич, Б. К. Зайцев, В. Кадашев, Н. Андреев, Г. Адамович, З. Шаховская, О. Н. Михайлов, В. Е. Александров, Н. Анастасьев, А. Арьев, Б. Аверин, С. Я. Сендерович и т.д.), а вот философы говорят о Владимире Набокове крайне немного. В работе «Чуть-чуть о философии Владимира Набокова» А. Пятигорский говорит о дуализме мышления В. Набокова, особо обращая внимание на его особенный гносеологический характер, а именно этот философ рассуждает о своеобразии мировосприятия Набокова, который, по мнению философа, считает истину объективной. Центром внимания философской монографии В. Е. Александровой является вновь проблема дуализма Набокова. Кроме того, философ считает необходимым изучать творчество В. Набокова под углом философии в трех основных аспектах – метафизики, этики и эстетики. По мнению ряда философов, В. Набоков отличается от многих других русских писателей и мыслителей тем, что особенно настойчиво интересуется человеком как таковым. Так, например, А. Л. Казин пишет о том, что у Набокова человек отождествляется с вселенной «без всякого пафоса и восторга» [2, с. 86]. Другой философ – П. В. Кузнецов – находит в творческом подходе Набокова разновидность «феноменологической редукции вещи» [4, с. 245]. Перечень философских исследований, посвященных Набокову, гораздо шире, чем кажется на первый взгляд. Современные философы настаивают на том, что творчество Набокова несет на себе следы гностицизма и герметизма. И, что особенно важно для нашего исследования, почти все философы, обращающиеся к Набокову, пишут о его антропоцентризме. Соответственно, источниковедческий анализ является важным аргументом в пользу актуальности темы нашего исследования и, разумеется, ее уместности в философском дискурсе. Соответственно, научная новизна работы обусловлена попыткой философского осмысления критического наследия Владимира Набокова с точки зрения степени деформации мировоззренческого ядра творческой личности, сформировавшейся под влиянием идей русского антропоцентризма.

Примером подхода к творческому наследию В. Набокова под углом философской проблематики может быть эта статья, где объектом внимания стала одна из самых известных критических работ писателя, посвященных личности Николая Васильевича Гоголя. Написанная в 1942-44-х годах, работа о Гоголе пришла к российскому читателю уже в конце 80-х и вызвала неоднозначную реакцию со стороны поклонников великого русского прозаика и яростную критику со стороны ценителей русской литературы и культуры вообще¹. Многие увидели в авторе статьи о Гоголе «чужака», представителя иной (не-русской) культуры, поскольку ментальный взгляд русско-американского писателя на человека еще не был понятен тем, кто жил в России до перестройки (начало 1990-х). Одновременно набоковский опыт ярко демонстрирует антропоцентрические установки автора «Машеньки», «Лолить», «Камеры Обскура» и других шедевров, принёсших ему скандальную и мировую славу.

Следует отметить, что статья о Гоголе в большей степени является образцом литературной критики, нежели философского сочинения, тем более что писалась она Набоковым в русле подготовки публичной лекции, адресованной американским студентам. Соответственно, интерпретация этой статьи под углом философской парадигмы не является делом ясным и методически безукоризненным: предполагает соотношение

¹ Первое издание: Norfolk, Conn.: New Directions, 1944 (15 авг.). Перевод Е. Гольшевой при участии В. Гольшева впервые опубликован в журнале «Новый мир», 1987, № 4.

определенных суждений автора статьи с антропоцентрическими идеями русских философов, принадлежность которых к традиции русской философской мысли не вызывает сомнений. И одно из первых и самых очевидных наблюдений касается первого парадокса набоковской статьи: посвященная одному из самых религиозных писателей-классиков русской литературы, она не содержит размышлений о сокровенных переживаниях Гоголя относительно веры и безверия. С одной стороны, такой уход от темы Бога казался отечественному читателю нарочито американским, материалистическим и почти нерусским, но, с другой стороны, мы помним о том, что русский антропоцентризм начала XX века смотрит на некоторые человеческие проблемы под похожим углом. В доказательство приведем высказывание В. В. Зеньковского: «Русская философия не геоцентрична (хотя в значительной части своих представителей и глубоко и существенно религиозна), не космоцентрична (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), – она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [1, с. 16].

Собственно о религиозной составляющей мировоззрения русского классика В. Набоков пишет под углом материалистической логики, обозначая слабые места природы: «Призыв к провидению или, вернее, странная склонность (разделяемая его матерью) объяснять Божьим промыслом любой свой каприз или случайное событие, в которых лишь он (или она) ощущает дух святости, также очень характерны и показывают, какой насыщенной творческой фантазией (а потому метафизически ограниченной) была религиозность Гоголя и как мало он замечал столь страшившего его дьявола, когда тот подталкивал его руку со строчившим без устали пером» [5, с. 18]. При этом Набоков истоки таких мировоззренческих установок находит в обстоятельствах его становления и особых привязанностях к людям, которые были ему близки. В частности, подробно и с нарочитым сарказмом пишет о влиянии матери на писателя, которое прослеживает через всю жизнь, цитируя письмо, проговаривая позицию. В этом направлении Набоков не скупится на приговоры типа: «Считалось, что это нелепая, истеричная, суевренная, сверхподозрительная и все же чем-то привлекательная Мария Гоголь внушила сыну боязнь ада, которая терзала его всю жизнь» [Там же, с. 15]. При этом Набоков отмечает, что Гоголь «редко с ней виделся в те годы, когда мужал его гений» [Там же]. Такая попытка самоопределения кажется Набокову естественной для человека, способного вырваться за пределы обычного и все-таки стать русским гением.

Мы можем предположить, что в статье о Гоголе Набоков воплощает одну из центральных тем, характеризующих специфику русского антропоцентризма: самоопределения человека в системе мер нормы и гениальности, в перспективе обычного, почти пошлого, порядка существования и особенного, свойственного особенной личности, творящей мир вокруг себя. В отношении природы Гоголя Набоков, с одной стороны, становится беспощадным разоблачителем, с другой стороны, не может не признать масштабности результатов: он пытается прокомментировать ключевые шедевры Гоголя, всякий раз отмечая, что пересказ сюжета здесь не имеет смысла, а суть написанного кроется в глубине. О Гоголе, писателе и человеке, он размышляет одновременно и низко, и высоко, вписывая его в круг классиков русской литературы: «Уравновешенный Пушкин, земной Толстой, сдержанный Чехов – у всех у них бывали минуты иррационального прозрения, которые одновременно затемняли фразу и вскрывали тайный смысл, заслуживающий этой внезапной смены точки зрения. Но у Гоголя такие сдвиги – самая основа его искусства...» [Там же, с. 63].

Общим местом статьи становится комментарий странностей природы русского писателя. Так, например, Набоков отводит значительное место описанию переживаний Гоголя относительно успеха его комедии «Ревизор» и объясняет эти переживания крайне обыденными мотивами: «Он боялся, что двор вдруг пересмотрит свое высочайшее, но изменчивое благорасположение к пьесе из-за чересчур бурных похвал радикальных кругов и чересчур бурного негодования кругов реакционных, прекратит представления, а следовательно, лишит его доходов (и, возможно, будущей пенсии)» [Там же, с. 33]. Смакуя подробности жизни Гоголя, Владимир Набоков не сомневается в том, что русский классик заслуживает внимания и входит в число незаурядных людей: «Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен: только здоровая посредственность кажется благородному читателю мудрым старым другом, любезно обогащающим его, читателя, представления о жизни» [Там же, с. 63]. Странность – ключевой мотив статьи о Гоголе, который реализуется крайне амбивалентно, поскольку для Набокова гоголевская странность физиологична, объяснима языком натуралиста и одновременно таинственна, поскольку является основанием творчества, в значительности результатов которого нельзя усомниться. Набоков конструктивно прописывает роль Гоголя в русской литературе, опираясь на известные факты жизни писателя: «До появления его и Пушкина русская литература была подслеповатой. Формы, которые она замечала, были лишь очертаниями, подсказанными рассудком; цвета как такового она не видела и лишь пользовалась истертыми комбинациями слепцов-существительных и по-собачьи преданных им эпитетов, которые Европа унаследовала от древних. Небо было голубым, заря алой, листва зеленой, глаза красавиц черными, тучи серыми и т.д. Только Гоголь (а за ним Лермонтов и Толстой) увидел желтый и лиловый цвета. То, что небо на восходе солнца может быть бледно-зеленым, снег в безоблачный день густосиним, прозвучало бы бессмысленной ересью в ушах у так называемого писателя-“классика”, привыкшего к неизменной, общепринятой цветовой гамме французской литературы XVIII в.» [Там же, с. 42].

В этих своих суждениях американский лектор Владимир Набоков почти становится на сторону родной русской культуры, пытаясь рассказать «чужакам» о том, что способен постичь русский классик и одновременно русский читатель. Пограничное положение критика в пространстве межкультурного дискурса превращается в этой статье о Гоголе в принципиальную позицию, но при этом причастность к культурному наследию России превращается в особую опору в разговоре не о человеке, а именно о творчестве. В этом моменте пристального

внимания к творчеству и в последовательном утверждении ценности его, значительности фигуры творческого человека Набоков напоминает нам об опыте русского философа Николая Бердяева, для которого творчество является безусловной ценностью, философия творчества которого превращается в безусловный апофеоз человека. Примечательно, что именно отказ Гоголя от себя в качестве художника воспринимается Набоковым как особый пункт поражения, в соответствии с которым русский писатель «утратил волшебную способность творить жизнь из ничего» [Там же, с. 60]. Пытаясь объяснить гоголевский переход от творчества к проповеди, Набоков пишет о странной подозрительности писателя, о пагубном влиянии окружения, о проблемах коммуникативного плана, но всякий раз говорит об этом как об утрате, иногда преуменьшая величие натуры классика, иногда принимая этот выбор как неизбежность в особенной истории особенного человека: «Он прекрасно ощущал ту власть, которую его художественный гений имеет над людьми, и, к отвращению своему, ответственность, проистекающую от такой власти. Но что-то в его душе жаждало еще большей власти (правда, лишённой ответственности), как жена рыбака в сказке Пушкина – еще более пышных хором. Гоголь стал проповедником потому, что ему нужна была кафедра, с которой он мог бы объяснить нравственную подоплеку своего сочинения, и потому, что прямая связь с читателями казалась ему естественным проявлением его магнетической мощи» [Там же, с. 53]. Но что знает Владимир Набоков точно – это то, что автор «Мертвых душ», выбирая путь проповедника, утратил способность быть художником: «Писатель погиб, когда его начинают занимать такие вопросы, как “что такое искусство?” и “в чем долг писателя?”» [Там же, с. 61]. В этом моменте мы можем наблюдать яркое свидетельство причастности самого В. Набокова к традициям русского антропоцентризма, поскольку когнитивная рефлексия относительно соотношения творчества и веры на рубеже XIX–XX веков вошла в число центральных и оставила свой внушительный след в трудах почти всех мыслителей Серебряного века. Показателен в этом направлении опыт философской критики, направленный на осмысление наследия Ф. М. Достоевского, в перспективе которого сквозным мотивом прослеживалась идея о выборе русского художника между верой и творчеством, хорошо знакомом таким классикам, как Достоевский и Толстой, но сформировавшемся в опыте Николая Гоголя [6].

Примечательно, что читатель набоковской статьи о Гоголе замечает свидетельства незаурядности русского классика с трудом, поскольку первая часть критического материала пронизана неожиданным в практике осмысления столь значительных фигур русской культуры физиологизмом. Первая часть набоковской статьи – это беспощадное описание физических переживаний Гоголя в традициях зарубежной критики, увлеченной бихевиоризмом и фрейдизмом, которая в конце XX столетия войдет в научный дискурс российской мысли, а затем в течение десятилетий будет являться знаком современного подхода к классике, открывая дорогу постмодернизму и постструктурализму в отечественной науке. По сути, сам факт начала статьи не с традиционного рождения и взросления известного человека, а с описаний последних дней жизни и смерти не мог не эпатировать читателей и слушателей Набокова, который в достаточно жёстком стиле излагал такие детали, как диагнозы Гоголя, методы его лечения, возможные реакции умирающего классика на медицинские процедуры. Более того, Набоков дает вполне логичное обоснование причин такого подхода к описанию жизни и творчества русского гения: «И хоть картина эта неприглядна и бьет на жалость, что мне всегда претило, я вынужден ее описать, чтобы вы почувствовали до странности телесный характер его гения» [5, с. 11].

Особая связь личного, интимного, телесного с воплотившимся в художественном слове – черта гоголевского гения, которая кажется Владимиру Набокову особенно притягательной. От описаний реальных мук писателя Набоков-критик легко переходит к комментариям по поводу лейтмотивности образов носа и живота в творчестве Гоголя, остроумно персонифицируя физиологические особенности писателя в череде его литературных персонажей. Слизь, гной, грязь становятся ключевыми повторами и описаний детства Гоголя: «Слабое дитя, дрожащий мышонок с грязными руками, сальными локонами и гноящимся ухом. Он обжирался липкими сладостями. Соученики брезговали дотрагиваться до его учебников» [Там же, с. 13]. Тошнота и брезгливость – чувства, которые могут возникнуть у читателя статьи и напомнить об опыте Владимира Набокова уже не в сфере литературы, а в контексте его увлеченности бабочками; чувства, объединяющие физиологичность (с мотивами слизи и грязи) и красоту.

В плане красоты показателен финал набоковской статьи, где он пишет о невозможности адекватного перевода на английский язык его книг, о недопустимости пересказа содержания его произведений и об особой красоте и тайне мира Гоголя, которой не способен навредить даже самый циничный взгляд: «Его произведения, как и всякая великая литература, – это феномен языка, а не идей. Мои переводы отдельных мест – это лучшее, на что способен мой бедный словарь; но если бы они были так же совершенны, какими их слышит мое внутреннее ухо, я, не имея возможности передать их интонацию, все равно не мог бы заменить Гоголя. Стараясь передать мое отношение к его искусству, я не предъявил ни одного ощутимого доказательства его ни на что не похожей природы. Я могу лишь положить руку на сердце утверждать, что я не выдумал Гоголя. Он действительно писал, он действительно жил» [Там же, с. 67].

Подходящим контекстом для осмысления статьи В. Набокова о Гоголе могут быть сочинения С. Л. Франка, наглядно демонстрирующие особенности русского антропоцентризма. Антропологическая направленность философии Франка ярко выразилась в одной из его фундаментальных работ, опубликованных посмертно, – «Реальность и человек» (1956). В частности, С. Л. Франк, отвечая на вопрос, что есть человек, отмечает, что «человек является существом самопреодолевающим, преобразующим себя самого» [7, с. 308]. Разъясняя это положение, он показывает, что «человек является таким существом, которое способно

дистанцироваться от всего, что фактически есть – в том числе и от действительности себя самого – смотреть на все фактически сущее извне, определять его отношение к чему-то иному, более для него убедительному, авторитетному, первичному» [8, с. 75]. Именно в акте самосознания, полагает С. Л. Франк, «человек сам смотрит на себя, судит и оценивает себя – имеет себя в двойном состоянии познающего и познаваемого, оценщика и оцениваемого, судьи и судимого» [Там же]. Именно такие суждения о человеке абстрактном могут характеризовать конкретный опыт Владимира Набокова, взявшегося за статью о Гоголе.

В заключение исследования мы говорим о том, что Гоголь становится своеобразным «двойником» художника и критика Владимира Набокова, оказавшегося за пределами русской культуры, готового обрести достойное место в новом мире здравых суждений и разумных оснований, но ощущающего родство с тем, что он хорошо знает и любит, иногда против своей воли. Проведенный анализ позволил авторам исследования определить мысль о несостоятельности общего суждения в критике о том, что Набоков не любил Гоголя, но, на наш взгляд, подобные позиции не менее шаблонны, чем попытки писать о Гоголе как знатоке русской жизни или как о специалисте по помещицкому быту. Относительно особенностей антропоцентризма Владимира Набокова авторами сформулирован вывод о возможном противостоянии в творческом сознании этого человека и художника двух разных традиций – русской, отсылающей к опыту Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Н. О. Лосского и других, а с другой – европейского, еще до конца не установившегося в отечественной мысли взгляда на человека, смирившегося со своим физическим несовершенством и готового совершенствовать себя, перерождаясь в машину, в объект идеального мира, в существо будущего.

Список источников

1. **Зеньковский В. В.** История русской философии: в 2-х т.: в 4-х кн. / сост. А. В. Поляков. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. 875 с.
2. **Казин А. Л.** Парадокс Набокова, или Эпилог русского модерна // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2019. № 2 (4). С. 85-89.
3. **Кораблина М. В.** Феномен открытой культуры Нидерландов: историко-культурный и современный аспекты: автореф. дисс. ... к. культурологии. Екатеринбург, 2011. 26 с.
4. **Кузнецов П. В.** Утопия одиночества: Владимир Набоков и метафизика // Новый мир. 1992. № 10. С. 243-250.
5. **Набоков В. В.** Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999. 216 с.
6. **О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов** / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М.: Книга, 1990. 432 с.
7. **Социальная философия** / под ред. И. А. Гобозова. М.: Савин С. А., 2003. 528 с.
8. **Франк С. Л.** Реальность и человек. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 147 с.

Specificity of V. Nabokov's Anthropocentricity in the Situation of Biculturalism (by the Example of the Article "Nikolai Gogol")

Prudchenko Elena Aleksandrovna

Filyarovskaya Natal'ya Ivanovna

Shakirova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Industrial University of Tyumen

prudchenkoea@tyuiu.ru

The article analyses transformation of anthropocentric conceptions in the Russian philosophy under immersion into alien cultural and philosophical environment. Relevance of the study involves analysing self-identification of a creative personality who originally belonged to a certain philosophical culture and suddenly found himself in alien environment-culture-philosophy that propagates other values and postulates. Originality of the study is conditioned by the fact that the authors tackle such an important and, as it has turned out, insufficiently investigated philosophical problem as specificity of the Russian anthropocentrism of the beginning of the XX century and examine the motive of a personality's self-identification in the context of the norm and genius paradigm by the example of V. Nabokov's critical heritage.

Key words and phrases: Russian anthropocentrism; V. Nabokov; critical heritage; N. Gogol; religious component; key motive; anthropocentric orientations.